РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт языка и литературы

З.К. КАСЬЯНЕНКО – УЧИТЕЛЬ И МОНГОЛОВЕД

МАТЕРИАЛЫ
Международной конференции, посвященной
90–летию российского монголоведа З. К. Касьяненко

30 сентября – 1 октября, 2015 г.
Санкт Петербург

Санкт–Петербург
Улан–Батор
2016

Н. О. Кокшаева

К ПРОБЛЕМЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ XVIII – XIX ВВ. НА ОЙРАТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Аннотация. *Архивные документальные материалы XVIII-XIX вв. на ойратской письменности также являются письменным наследием калмыцкого народа. Исследование их продиктовано требованием времени. В них отображены повседневный труд и быт, внутренний мир кочевника, кипение страстей и настроений и характеров, социальных коллизий. В них хорошо представлена преемственность общемонгольской и славянских письменных традиций.*

Ключевые слова: *архивные калмыцкие двуязычные документы XVIII–XIX вв., классификация; тибетско-калмыцкий документ andayāriyin bičiq 'клятва, присяга', функциональный документ.*

Архивные документальные материалы делового, дипломатического и бытового содержания были созданы не только на ойратской письменности «тод бичиг» - «ясное письмо», но также на тибетском, турецком и других языках. Они различны по содержанию, стилю, структуре, хронологии и авторской принадлежности, и в настоящее время актуальность их приобретает особое значение. Согласно их содержанию была проведена их классификация и определены следующие виды, а именно: *andayār* 'клятва', 'присяга; *andayāriyin bičiq* 'клятвенное письмо', 'присяжный лист'; *xāluyayin bičiq* 'дорожная карта', 'проездные документы'; *bičiq tamya* 'документ, заверенный авторской печатью'. Обнаружен единственный экземпляр документа, созданного на шёлковой ткани желтого цвета, который подтверждает право на получение социального статуса нойон – князя; *tamya bičiq* 'значимое письмо', 'прошение', официальный документ (в виде запроса); *zarya bičiq* 'письмо-иск'; *zarliq bičiq*, *zarliq* или *uḳas* 'указ', 'повеление', официальное письмо, 'распоряжение'. Данный вид документа *zarliq bičiq* относится к более раннему историческому периоду, а именно, ко времени правления Калмыцким ханством Аюка-ханом. Таким же термином в 1710, 1711, 1713 годах оформляли свои письменные обращения к адресатам и его сыновья, и другие приближённые к ханскому двору (Чагдоржаб, Дасан, Нацар Бембе и др.). *Zarliq*, *zaḳā yara-mata* – это 'официальный документ', дающий право на какие-либо официальные действия, связанные с российской государственной политикой. Это может быть

даже и ‘указ, грамота’ высших инстанций; *zar tarxaxu zarliq* (*bičiq*) ‘манифест’, официальный документ’, исходящий от Царского Двора, *ayiladxal bičiq* ‘донесения, рапорты’. Имеются и другие виды документов, которые определены общемонгольским словом *bičig* (ойр. *bičiq*) ‘письмо, письменное сообщение’.

Впервые тексты калмыцких авторских деловых и дипломатических документов, как научные источники, были использованы многими известными исследователями Г. Ф. Миллером (1750), П. С. Палласом (1770, 1803), П. И. Рычковым (1762), В. Л. Котвичем (1919), Н. П. Шастиной (1958), монголоведами А. А. Бобровниковым (1849), В. Л. Котвичем (1929), Н. П. Шастиной (1960), Ц. Д. Номинхановым (1976), Д. А. Павловым (1979), в новое тысячелетие Н. Д. Асировой (2002), Д. А. Сусеевой (2003), Д. Б. Гедеевой и др., историками – Н. Н. Пальмовым (1924–1932), М. М. Батмаевым (1997), В. В. Цурюмовым, В. И. Колесник и др. Защищены кандидатские диссертации Н. Д. Асировой, Д. Б. Гедеевой и др.

Необходимо отметить, что систематическое опубликование архивных документов ойратской письменности, за которое ратовал В. Л. Котвич, состоялось. В. Л. Котвичем были исследованы и изданы дипломатические документы (1919) и последующие издания документов переписки калмыцких авторов XVIII в. – Д. А. Сусеевой (2003, 2009), Д. Б. Гедеевой (2004), что говорит о процессе и состоянии изучения документальных источников НА РК, а также подчёркивает их значимость и актуальность. Следовало бы добавить тезис о необходимости изучения и издания двуязычных документов, выявить стиль, структурное и палеографическое своеобразие и их специфику, определить преемственность как общемонгольской, так и других письменных традиций и культур именно с точки зрения двуязычия.

Калмыцкие архивные документы XVIII–XIX вв. – это особый вид памятников ойратской письменности, имеющие разный генезис и традиции, содержащие в себе опыт предшествующих эпох. Это уникальные тексты-феномены, функциональные документы, которые с филологической точки зрения еще недостаточно изучены. Они представляют богатый материал и для исследования старописьменного калмыцкого языка XVIII века именно с точки зрения двуязычия. Как региональные архивные авторские документы на «тод бичиг – ясном письме» хорошо отражают местную окраску и дают новый материал для сравнительно-исторического изучения калмыцкого языка, его литературных традиций и диалектных особенностей и влияния другого языкового окружения.

Содержание их заключалось в показе реальных фактов, событий, многообразной, иногда детализированной панорамы социальной действительности, пережитое самими авторами, и, соответственно, всем калмыцким народом

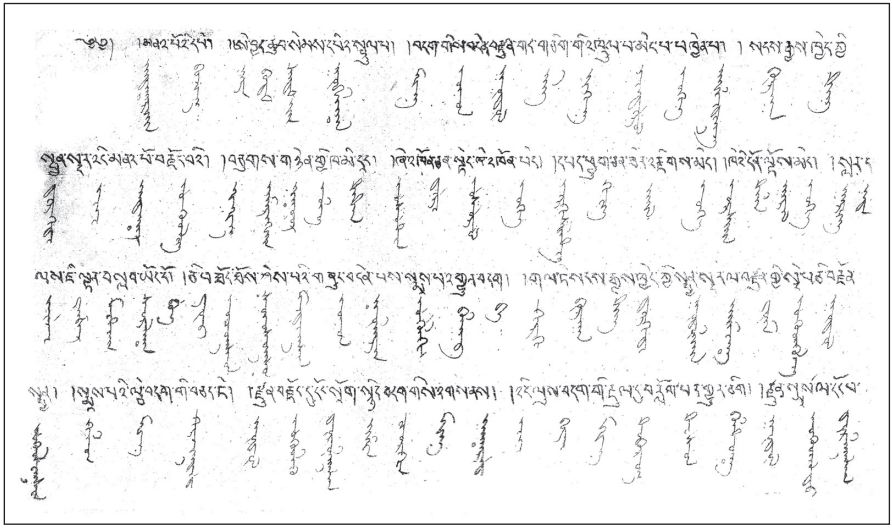
определённой исторической эпохи. В сообщениях была заключена авторская оценка событий, раскрывающая причинно-следственную взаимосвязь, как местного, так и российского масштаба.

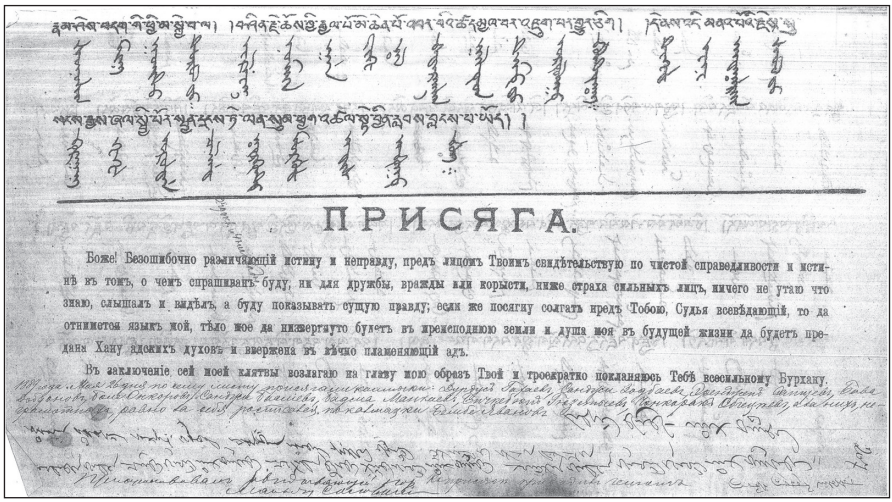
Тексты авторских документов переписки стилистически не однородны. В них функционируют элементы письменной и устной речи, а в зависимости от сферы и характера общения, от целевой установки – коммуникации своеобразно комбинируют разные стилевые и языковые особенности. Содержание их заключалось в показе реальных фактов, событий, многообразной, иногда детализированной панорамы социальной действительности, пережитое самими авторами, и, соответственно, всем калмыцким народом определённой исторической эпохи. В сообщениях была заключена авторская оценка событий, раскрывающая причинно-следственную взаимосвязь, как местного, так и российского масштаба.

Исследование разных видов памятников ойратской письменности позволяет проследить, как на протяжении нескольких веков происходило развитие национального языка в иноязыковом окружении, какое влияние оказывала живая речь на сложившийся в XVII веке ойратский литературный язык, какие процессы происходили в фонетике, орфографии, лексике, морфологии, синтаксисе. Вместе с тем, изучение этого письменного наследия позволило бы лучше представить особенности жизни калмыцкого народа в более ранние эпохи, отдалённые от нас на несколько веков.

В монголистике история изучения и публикации монгольских официальных дипломатических писем Юаньской эпохи иль-ханов Аргуна и Ульдзейту, а также монгольского императора Гуюк-хана (XIII–XIV вв.) с точки зрения структуры, языка представлена в трудах известных ориенталистов XIX–XX вв. П. А. Ремюзы, В. Л. Котвича, С .А. Козина, Л. С. Пучковского и других европейских и азиатских исследователей монгольского письменного наследия.

В данной статье описывается один из уникальных памятников XIX в. – тибетско-калмыцкий двуязычный документ *andayāriyin bičiq* (досл.) ‘клятвенное письмо’; ‘клятва’, ‘присяга, ‘присяжный лист’ и его перевод на русский язык (см. рис. 1). Наше обращение к тексту буддийского содержания *andayāriyin bičiq* насущно в силу его уникальности и недостаточной изученности особенностей документов данного вида. Началом изучения монгольских двуязычных документов было положено, как было отмечено выше, западными и российскими ориенталистами. Исследованию проблемы двуязычных текстов посвящена работа А. П. Романенко [Романенко 1981, с. 23–29], в которой указаны основные параметры филологического описания и анализа двуязычных документов на формулярном, композиционном уровне. По утверждению





ПРИСЯГА.

Боже! Безошибочно различающій истину и неправду, предъ лицомъ Твоимъ свидѣтельствую по чистой справедливости и истинѣ въ томъ, о чемъ спрашиваютъ буду, ни для дружбы, вражды или корысти, ниже страха сильныхъ лицъ, ничего не утаю что знаю, слышалъ и видѣлъ, а буду показывать сущую правду; если же посягну солгать предъ Тобою, Судья всевѣдающій, то да отнимется языкъ мой, тѣло мое да низвергнуто будетъ въ преисподнюю земли и душа моя въ будущей жизни да будетъ предана Хану адскихъ духовъ и вержена въ вѣчно пламенѣющій адъ.

Въ заключеніе сей моей клятвы возлагаю на главу мою образъ Твой и троекратно покланяюсь Тебѣ всесильному Бурхану.

Рис. 1. Тибетско-калмыцкий двуязычный документ «Andaγāriyin bičiq»

А. П. Романенко, анализ должен быть многоуровневым, и необходимо описывать документ как целостную систему и, что исследование двуязычных документов должно вестись на уровне формулярном, композиционном. Далее учёный пишет, что его методика основана на трудах академика В. В. Виноградова [Виноградов 1978, с. 157], посвященных изучению художественных

текстов. Поэтому наше изучение и описание текста тибетско-калмыцкого двуязычного документа *andayāriyin bičiq*[1], основывается на трудах вышеназванных исследователей.

В процессе анализа данного письменного памятника были выявлены его отдельные формулярные особенности, состоящего из оригинала, созданного тибетским письмом и его калмыцкого варианта, переданного ойратской письменностью. Текст написан на голландской бумаге стандартного канцелярского листа, по формату, совпадающего с его размером – 40 см × 25 см и двойного листа. Документ записан тушью, возможно, чёрными чернилами, видимо тростниковыми или другими письменными принадлежностями. Почерк тибетско-калмыцкой рукописи приближается к уставному, в то же время в ойратском варианте наблюдаются и элементы скорописи.

Тибетско-калмыцкий двуязычный документ *andayāriyin bičiq* представляет разные письменные традиции. Текст тибетского оригинала расположен по всей строке листа, по горизонтали слева направо, в то время как калмыцкий его вариант по вертикали сверху вниз, с соблюдением всех принципов письма. А именно наличие своеобразных элементов текста: знака «бирга» в калмыцком тексте и особого знака тибетского текста, которые являются показателями начала любого сочинения, используются и другие стандартные знаки, указывающие на завершение предложения и самого текста.

Рукописный двуязычный документ сохранился довольно хорошо и легко читается.

Рассматриваемый нами документ *andayāriyin bičiq* – это деловой текст, созданный на двух языках: тибетском и калмыцком. Он расположен на двух листах по горизонтали, где под каждым тибетским словом или словосочетанием по вертикали находится текст на старописьменном калмыцком языке, в записи ойратским письмом. Отдельно дан его перевод на русский язык, он отделён от оригиналов прямой чертой на всю страницу листа. Стиль функциональный, характеризуется совокупностью приёмов, где языковые средства носят экспрессивно-стилистическую окраску. Однако полнота картины стиля документа, вероятно, могла быть достижима при объединении методических приёмов, при помощи которых можно было описать документ. В монголистике, и в равной степени в калмыковедении почти отсутствуют работы по исследованию стиля и других параметров текстов делового содержания.

---

[1] Национальный архив РК. Фонд И-15 исторический отдел 1714–1771 гг., ед. хр. 392, лл. 49–50, 207.

Анализ композиции зависит от формуляра, расположения семантических частей текста, риторической установки создателя документа. Вид делового документа представляет двуязычный текст, созданный различными письменными традициями. Стоит сказать несколько слов о типе текстов. Здесь, исходя из калмыцкого текста, вероятно, следует отметить, что он составлен в стихотворной форме. Поэтому тип языка текстов зависит, соответственно, и от особенностей типологии тибетского языка и старописьменного калмыцкого языка. В данной статье синтаксический уровень, лексико-грамматические особенности не рассматриваются. Что касается движения текста, то оно дано в конце, в переводе, где указано, что нижеуказанный такой-то человек произносил клятву в присутствии достопочтимых представителей буддийской религии и местной власти.

В процессе изучения калмыцкого текста отмечены его некоторые графико-фонетические особенности. В оригинальном тексте наблюдаются незначительные погрешности, связанные с нарушением закона сингармонизма, и, в то же время, строго соблюдена губная гармония в словах типа *sonosoqson* ‘услышанное, слышал’, *öšöröl* ‘месть’ и т.д. В графеме, передающей гласный *i* (и), согласный *b* (ба) имеются свои авторские особенности – графические варианты при их позиционной передаче, а также отсутствуют диакритические знаки при некоторых буквах, например, при *γ* (га) в слове *xubilγan* ‘перерожденец’. Рассматриваемый ойратский текст в основном представлен общемонгольским лексическим фондом, имеются лексико-грамматические различия между оригиналами и переводом.

Вероятно, следует рассматривать данный документ *andayāriyin bičiq*, состоящий из двух оригиналов и перевода, созданных в рамках разных языковых традициях, как имеющий смешанный текст. Перевод текста – краткий, лаконичный, выдержанный в канцелярской традиции русского языка, и, в принципе, отвечает содержанию текста оригиналов, он передан термином «Присяга» и начинается словом «Боже!».

Авторы, точнее составители текста делового документа, не указаны, однако, можно предположить, что документ составлялся священнослужителями, подписи которых даны в приложении к переводу. Не указано имя переводчика. Риторическая цель переводчика достигнута, содержание перевода приковывает внимание, и тем самым подтверждает, насколько сложна служба не только священнослужителей.

Ниже представлена транслитерация тибетского текста:

Бирга mna ′ po ′i dpe ! ae byang chub sems dpa’i spul pa/ /bdag gis bden brdzun gar gcig gi ‘khul pa med pa khyem pa/ sangs rgyas khyed kyi sbyan sngar

‘di mna’ bo brjod ba’i/ /btsugs gnyen gyi kha mi drang/ zhe ′ khon can steng zhe′ ‘khon med/ /dbang phyug can zer ′ jigs med/ /khe ′i ngor ltos med/ /slar bdag las ji ltar bslab yod do/ /ci mthong thos shes pa’i gzhung bden bas smras pa ′ gyur bdag ! gal te sangs rgyas khyed kyu spyan sdar la brdzun gyi sde pa ci brjod brdzun/ / smras pa′i lce bdag gi bcad te! brdzun brjod du ‘dod srog snying bdag gi ‘gas nas! / ′di lus bdag gi rdul du brlog par gyur cig! /rdzun smras la ′ dod parnam shes bdag gi phyi ma skye ba la! /bshin rje chos kyi rgyal po me chen po ′ bar ba’i tsha dmyal bar ′ jug par cig/ /de nas ′ di mna ′ po ′ i rjes su sangs rgyas zhal sbyi por spyan drangs te lan sum phyag ′ tshal ste byin rlangs pa yod!!

Калмыцкий вариант этого текста в стихотворной форме в транслитерации:

Бирга Andaγāriyin bičiq
Ayā bodi sado-yin xubilγan!
Mini ünen xudul ali nigeni endüürēl ügei ayiladxaqči//
Burxan tani dergede ene andaγār ögüülǰi//
Iniq amaraqgiyin niγuur ülü tatan//
Öšēten dēre öšöröl ügei//
Erkišiltei geǰi ayil ügei//
Ürši yin tala xaral ügei
Xarini nada-ēce yambar meteyin surulγā bui//
Yuu üzüqsün sonosoqson medeqsēn
Ünen ɣolāran ögülkü bolxu bui//
Kerbe Burxan tani dergede xuduliyin ayimaγai yuma ögüülǰi//
Xudul ögüüleqsen kelen mini kerčiqdēd/
Xudul ögüülküdü durlaqsan amin zürkün mini xaγarād
Ene beye mini toboroq tusun boltuγai//
Xudul ögüülküdü durlaqsan sünüsün mini xoyitu töröl-dü
Erleq nomiyin xān yeke ɣal badaraqsan xaluun
tamu-du oruulxu boltuγai//
Tegēd ene andaγāriyin süül-dü
Burxani gegē orödān zalād γurbuntu mörgōd adis abuxu bui////

В тибетском тексте свыше 90 слов и словосочетаний, в ойратском – свыше 108 слов и словосочетаний с отрицаниями, количественный счёт которых выведен приблизительно. Следом за двуязычным текстом, расположенном на двух листах, следует русский перевод, который назван «Присяга».

Исходя из содержания тибетско-калмыцкого текстов, предлагаем свой перевод на русском языке.

Текст перевода клятвы:

О, Великий Будда и его перерожденец Бодхисаттва!
(Я), произносящий беспрекословную, истинную правду, без лжи,
Перед Вашим светлым ликом эту клятву-присягу произношу.
Невзирая на лица своих друзей, не боясь сильных мира сего,
Пренебрегая местью своих недругов,
Пренебрегая проклятьями своих врагов,
Чтобы защитить своих родных от их проклятий,
Произношу то, что считаю необходимым.
Всё, что видел, слышал, ведаю,
Выскажу истинную правду от чистого сердца.
Но если, Будда, перед Вашим ликом солгу и скажу неправду,
То пусть меня лишат речи (букв. лживый язык отрежут),
Пусть мои уста, произносящие ложь, и моя жизнь, и моё сердце будут наказаны (букв. сердце разорвётся), а тело станет прахом.
И пусть мою жизнь и меня в будущих рождениях, меня - лгуна,
Эрлик номин хан предаст пылающему огню.
И ввергнет меня в пучину ада.
И, завершая свою клятву,
О Будда, пред Вашим просветлённым ликом,
Кланяюсь, трижды совершая поклоны, прошу благословения.

В тексте русского перевода дана приписка на русском языке, содержание которой невозможно прочитать. Затем на этом же листе следуют имена, надо полагать, священнослужителей и присутствующих, точнее их подписи на «тод бичиг», а именно: *Yabang Bembe yar talbiba* – Яван Бембе поставил подпись, подписал (букв. приложил руку, далее также), *Idabin gedeq Zamba yar talbiba* –Замба Идава поставил подпись, *Širigi biliq yar talbiba* – Шириги Билик поставил подпись, *ČiqranGinden gelong yar talbiba* – гелонг[1] Чигран Гиндэн поставил подпись. Есть подписи и других присутствующих, имена которых из-за бледного текста невозможно прочитать.

Далее указано, что присутствовал заведующий управлением Манычского улуса Сосюкин.

Достоин сожаления тот факт, что не указано по какому случаю была дана клятва-присяга. В буддизме существует понятие «клятва», которая может быть разной по содержанию и произносится всеми священнослужителя-

[1] Гелонг – буддийский монах, принявший на себя 253 монашеских обета.

ми. Но, вместе с тем, существует понятие «обет», который также бывает разным по содержанию и объёму (в количественном соотношении слов) в зависимости от статуса священнослужителя, и который соблюдается им строго и обязательно.

При переводе на русский язык строго придерживались содержания обоих текстов. Перевод текста калмыцкого варианта более насыщены эпитетами, характеризующими образ Будды. Такова риторическая особенность композиции калмыцкого текста.

Таким образом, 1. Тексты этих документов являются двуязычными документами; 2. Текст документа свидетельствует о прямых контактах калмыцких священнослужителей, среди которых были и тибетцы, и буряты с русскими представителями местного управления и населением; 3. Контакты привели к взаимопроникновению и взаимовлияния элементов русского делового делопроизводства в калмыцкие тексты, созданных на ойратской письменной системе.

Поэтому здесь в тексте «клятвы» совмещены разные канцелярские традиции (письменная интерференция на уровне формуляра). Калмыцкий текст на «тод бичиг» точно передаёт содержание оригинала, созданного на тибетском языке. Варианты тибетско-калмыцкого двуязычного документа имеют определённые отличия – это несовпадение не только по форме, количеству слов и словосочетаний, но и отчасти по содержанию. Эти особенности характеризуют разные письменные традиции, соответственно, формулярное различие текстов. Тибетский текст согласно письменной традиции расположен по горизонтали слева направо, а его ойратский вариант согласно письменной традиции – по вертикали сверху вниз. А также следует отметить, что тексты содержат разное количество слов и словосочетаний, а также разный порядок слов в предложениях.

Следовательно, проблема параллельного изучения и проведение соответствующего анализа разноязычных частей документа, созданного разными письменными традициями, требует особого подхода и соответствующей методики, а также равного знания обоих языков.

Необходимо отметить, что эта была первая попытка предварительного филологического рассмотрения и анализа архивного тибетско-калмыцкого двуязычного документа с точки зрения его специфики. При этом необходимо отметить, что, несмотря на свою предварительность, анализ демонстрирует важность проблемы, и необходимость изучения архивных документальных материалов, созданных в рамках разных языковых традиций с точки зрения формирования двуязычных текстов.

Архивные калмыцкие двуязычные документы XVIII-XIX вв. на «тод бичиг» – это духовное наследие калмыцкого народа и их изучению требуют особой методики и, соответственно, знаний языков, на которых составлены документы.

Список источников

1. Национальный архив РК. Фонд И-15 (исторический отдел 1714–1771 гг.), ед. хр. 392, лл. 49-50, 207.

Список литературы

1. Виноградов 1978: Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII—XIX вв. в книге.: Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978.

2. Романенко 1981: Романенко А. П. Некоторые задачи филологического изучения документальных текстов. // Русский язык в условиях билингвизма. Межвузовский сборник научных трудов. Элиста, 1981.

N. O. Kokshayeva

ON THE PROBLEM OF PHILOLOGICAL DESCRIPTION OF THE ARCHIVE DOCUMENTS IN «CLEAR SCRIPT» 18–20TH CENTURIES

Abstract. *Archive documents in «clear script» (18–20th centuries) are the written heritage of the Kalmyks as well. Their study is essential for understanding of routine labour and life, inner life of nomads, passions and moods, characters and social conflicts. They present the development of a All-Mongol and Slavic written traditions.*

Keywords: *archive Kalmyk bilingual documents (18–20th centuries), classification, Tibetan-Kalmyk document andayāriyin bičiq 'vow, oath', functional document*